

«тианизация» Киева представляла собой греческое и византийское завоевание, то как событие культурно-языкового характера она представляла расширение православного славянства, или духовного отечества, возникшего благодаря деятельности Константина-Кирилла и Мефодия» (стр. 25). Славянский язык, на котором совершалась проповедническая деятельность в эпоху крещения, служит, по мнению Пиккио, убедительным аргументом против «норманской теории». Тот факт, что христианство преподносилось языческим подданным Владимира на славянском языке, имеет особое значение в связи с «норманским вопросом». «Если византийская церковь и сами правители Киева избрали его в качестве языкового средства, которое уже обеспечило первые успехи моравской миссии, очевидно, они находились перед лицом славянского населения», — пишет он. Заслуживает упоминания также и утверждение автора, что кирило-мефодиевская литература проникла в древнюю Русь до официального крещения, что отвечает широко известным историческим фактам. Однако окружное послание царьградского патриарха Фотия, в котором упоминается начальное крещение русских, относится не к 876, а к 867 г. Очевидно, это не ошибка автора, а обыкновенная опечатка. Говоря о проникновении иудейства и мусульманских миссионеров в среду населения древней Руси, Пиккио подчеркивает, что принятие христианства от Византии князем Владимиром означало «признание уже определившегося фактического положения». В связи с этим затрагивается вопрос об «источниках местной традиции» (стр. 27). Автор имеет в виду прежде всего три важных факта: достаточно далеко зашедшее к тому времени развитие русского языка, препятствовавшее замене его «церковнославянским», языческую религиозную традицию и народное, устно-поэтическое творчество. Подчеркивается возникновение известного языкового дуализма между старославянским, занесенным от балканских славян и воспринятым церковью в качестве письменного языка, и русским народным языком. В вопросе о развитии национальных славянских языков, в частности русского языка, и о его связи со старославянским автор пытается сформулировать свой средний взгляд, примиряющий различные существующие теории. Параллельно очерчивается облик славянской языческой религии и проникновение некоторых ее элементов в новую христианскую веру. Отмечая участие византийских мастеров в начальном периоде развития древнерусской архитектуры, Пиккио сразу же подчеркивает те типично русские элементы, которые улавливаются в этом строительстве с самого начала. Вообще, признавая влияние «христианско-византийской культуры» в общем развитии Киевской Руси, автор говорит о большом значении местной, самобытной традиции. По его мнению, литература, «хотя и считается с греческими и южнославянскими образцами, часто ищет — и это ее счастливейшие моменты — отзвук поэзии, которая все еще живет в народных песнях и легендах». Наряду с другими отзвуками Пиккио ищет здесь и веяние «степи», разумеется, не как некую традицию, а как неотъемлемый фактор в исторической жизни Киевского княжества. Заканчивая данный раздел своего изложения, Пиккио коротко говорит о «восходе и упадке Киева», при этом припоминаются самые общие исторические факты всегда в тесной связи с литературной жизнью. Здесь следует упомянуть утверждение автора о преемственности между культурой Киевской Руси и Москвы.

Переходя к развитию литературы, профессор Пиккио рассматривает прежде всего переводные сочинения, затем оригинальные литературные произведения. Некоторые интересные суждения высказаны в связи с вопросом о восприятии Россией античного наследия через посредство Византии. Переводная литература излагается по следующим разделам: богослужебные